



Робин Роу

Шмиза
в клетке

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

P79

Robin Roe
A LIST OF CAGES

Copyright © 2017 by Robin Roe

Перевод с английского *Елены Музыкантовой*

Художественное оформление *А. Ивановой*

Роу, Робин.

P79 Птица в клетке / Робин Роу ; [пер. с англ. Е. Музыкантовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100451-4

В старшей школе бывает нелегко. Кто-то пользуется популярностью, как, например, энергичный и жизнерадостный семнадцатилетний Адам. А для кого-то школа может превратиться в настоящий кошмар, как для робкого и необщительного четырнадцатилетнего Джулиана. Он – объект всеобщих насмешек, потому что любит читать детские книжки с картинками.

Такие разные, они встречаются, и у Джулиана появляется друг, о котором можно только мечтать. Мальчики легко нашли общий язык, но чем больше времени проводят вместе, тем чаще Адам замечает, что Джулиан что-то скрывает. Решив разобраться, он начинает подозревать, что все серьезнее, чем кажется на первый взгляд, и, возможно, Джулиан нуждается в его помощи.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Е. Музыкантова, перевод на русский язык, 2019

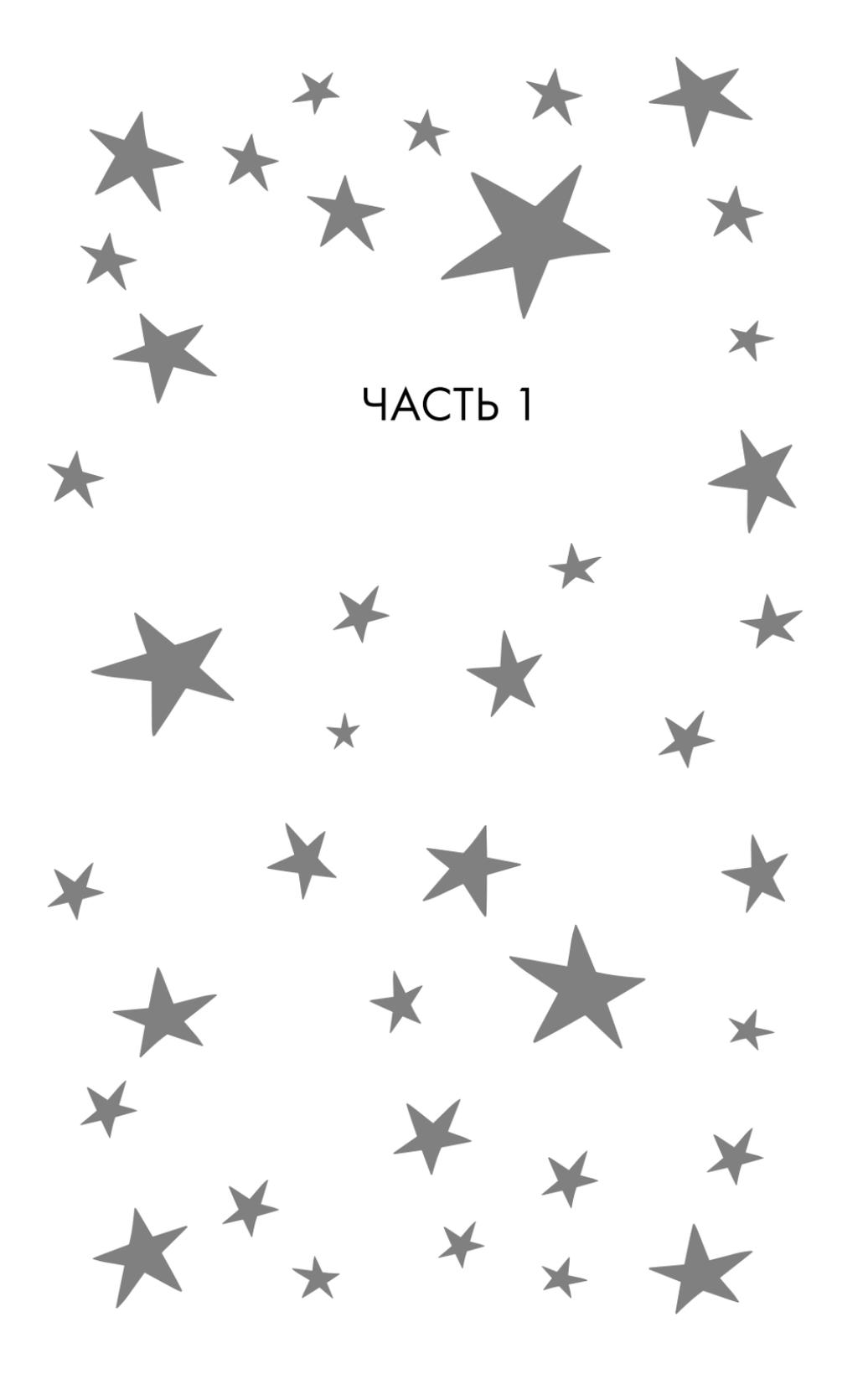
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100451-4

Моей матери, которая научила меня дарить
и любить от всего сердца

и

В память о Джейми, чудесном мальчике,
который любил мне напоминать:
мы больше, чем нам кажется



ЧАСТЬ 1

1

ДЖУЛИАН

В школе есть комната, о которой никто, кроме меня, не знает. Если бы я умел телепортироваться, то сейчас сбежал бы туда. Может, если хорошенько сосредоточиться...

— Джулиан. — Голос мистера Пирса звучит, словно удар хлыста, и я морщусь. — Ты месяца не проучился в старших классах, а уже шесть раз прогулял английский.

На самом деле больше, но, так понимаю, никто не замечал моего отсутствия.

Директор склоняется ближе, всем весом опираясь на длинную кривую трость. Рукоятка выточена в виде какой-то фигурки. Ребята вечно спорят, что это — гном, тролль или миниатюрная копия самого мистера Пирса. А ведь вблизи и, правда, похоже.

— Смотри на меня! — кричит он.

Не знаю, почему люди вечно требуют смотреть им в глаза, когда на тебя злятся. На самом деле в такие моменты больше всего хочется отвести взгляд. Я повинуюсь; кабинет, в котором нет ни единого окна, словно сжимается, и я сжимаюсь вместе с ним. Мальчик-букашка под грозным взглядом мистера Пирса.

— Тебе было бы проще смотреть на людей, если бы кто-нибудь удосужился тебя подстричь. — Я поспешно убираю волосы с лица, а он буквально буравит меня взглядом. — Почему ты прогуливал уроки?

— Мне... — Я прочищаю горло. — Они мне не нравятся.

— Что-что?

Люди вечно просят меня повторить сказанное или говорить громче. Собственно, тем мне и не нравится английский: мисс Кросс заставляет читать тексты вслух, а когда очередь доходит до меня, я запинаясь, бормочу, и получается слишком тихо.

Наученный горьким опытом, я говорю чуть громче:

— Мне не нравится.

Мистер Пирс вскидывает седые брови и смотрит на меня в полном недоумении:

— По-твоему, раз урок не нравится, на него можно не ходить, так, что ли?

— Я...

Вот почему у остальных ребят не возникает проблем с речью? Им что-то говорят, они мгновенно находят ответ. А вот у меня связь между мозгом и ртом нарушена, вроде редкой формы паралича. Слова не идут, и я молча тереблю пластиковый кончик шнурка.

— Отвечай на вопрос! Раз урок не нравится, на него можно не ходить?

Я знаю ответ, но людям не нравится, когда ты говоришь то, что думаешь. Они хотят услышать то, как думают сами. А угадывать мысли довольно сложно.

Директор закатывает глаза.

— Смотри на меня, юноша.

Я смотрю на его покрасневшее лицо. Он кричится — наверное, опять прихватило спину или колено.

— Простите, — говорю я, и его черты лица смягчаются.

А потом мистер Пирс внезапно хмурит кустистые брови и резко открывает папку с моим именем.

— Думаю, я позвоню твоим родителям.

Шнурок выпадает из моих застывших пальцев.

Губы директора изгибаются в подобии улыбки.

— Знаешь, что мне нравится?

Я нахожу в себе силы покачать головой.

— Вот это выражение ужаса на лице ученика, когда я говорю, что позвоню его родным. — Он подносит телефон к уху. Мистер Пирс и его маленький деревянный монстр не сводят с меня глаз. Тикают часы. Наконец он медленно убирает телефон. — Возможно, я не стану звонить... если ты пообещаешь, что я больше тебя здесь не увижу.

— Обещаю.

— Тогда марш на урок.

Уже в коридоре я пытаюсь вздохнуть, но меня по-прежнему трясет. Это как видеть, что на тебя несется машина, и в самую последнюю секунду с ней разминуться.

Когда я прихожу на «Детскую психологию», все девочки вскидывают головы, будто стадо оленей, почувших опасность. Но стоит им узнать меня, как все тут же отворачиваются.

Я опоздал, и мне приходится торчать перед столом мисс Карлайл, пока она читает мою объяснительную записку. И пусть никто на меня не смотрит, я все равно мучаюсь, что волосы слишком длинные, джинсы слишком короткие, рубашка тесная — да вообще все мои вещи уродливые и поношенные.

— А я уже отметила, что ты не пришел, — вздыхает мисс Карлайл. Пожалуй, она даже старше мистера Пирса. Некогда светлые волосы и ярко-голубые глаза выцвели, точно на фотографии. — Ума не приложу, что теперь делать.

Я знаю, что новая онлайн-система для нее сущее наказание, ведь мисс Карлайл почти каждый день нам на нее жалуется.

— Простите.

— Ничего. — Она устало горбится. — Я что-нибудь придумаю.

Я иду к своему месту в самом конце класса и замечаю, что мне машет второй парень в нашем классе, Джаред:

— Поедем вместе на автобусе?

Я не отвечаю.

Мисс Карлайл объявляет, что нам придется заканчивать задание в группе. Все принимают выкрикивать имена выбранных людей и сдвигать столы в кружки.

Наверное, я единственный человек в школе, кто ненавидит групповые задания. Я опускаю голову и закрываю глаза. Всегда думал, что если хорошенько сосредоточусь, то сумею исчезнуть. Теперь уже не так в это верю, но все равно пытаюсь.

— Джулиан, — говорит мисс Карлайл, — ты сегодня воистину испытываешь мое терпение. Найди себе группу. — Я смотрю на те, что уже собрались. Живот стягивает узлом. — Господи, да просто подсядь к тем, кто ближе всего к тебе.

А ближе всего ко мне Кристин. Она немного похожа на золотую рыбку: рыжие волосы, глаза навывкате. Кристин зло поглядывает в мою сторону, и я представляю, что на мне защитный плащ-невидимка. Устройство работает безотказно, пока я не выкину какую-нибудь глупость.

Мы с Кристин столкнулись в самом начале учебного года. На первом же уроке она похлопала меня по плечу и спросила, неужели я читаю книгу про Элиана Маринера. Я осторожно кивнул, ведь до сих пор никто не пытался завести со мной разговор. Но потом она спросила, о чем история, и меня словно прорвало. Да, это Элиан Маринер, пожалуй, моя любимая книга в серии, бла-бла... Кристин слушала меня, кивала, задавала вопросы и даже сказала, что ее сестра тоже обожает серию. А потом добавила:

— Еще бы, ей же семь лет.

Все принялись смеяться. Я спрятал книгу в рюкзак, а вскоре обнаружил, что она пропала. На шестом уроке, когда я отошел поточить карандаш, книга вновь нашлась, теперь у меня на стуле.

Все иллюстрации были изуродованы черной ручкой. Пенисы выскакивали из штанов Элиана и летали вокруг его головы, целясь в рот. Глаза защипало от слез. Я поднял голову — и обнаружил, что весь класс следит за моей реакцией. Поймав мой взгляд своими рыбьими глазами, Кристин рухнула на парту, трясаясь от смеха.

— Джулиан! — снова окликает мисс Карлайл. — Пошевеливайся.

Я поспешно придвигаю свой стол к девочкам.

— Итак, Вайолет, Джейн, — начинает Кристин, — разделим обязанности?

Я делаю вид, будто не заметил, как она с ходу исключила меня из группы, и открываю учебник.

— Хорошо, — отвечает Вайолет. — Джулиан, ты не хочешь...

— Мне нужна нормальная оценка, — обрывает ее Кристин. — Работаем втроем.

Вайолет замолкает, а я по-прежнему разыгрываю приступ глухоты.

После звонка школа становится похожа на расстроенный улей. Ребята вырываются на свободу и разбегаются во все стороны. Настоящий взрыв звуков после тишины — болтовня, трели сотовых телефонов. Но я замираю на крыльце как вкопанный.

По ту сторону улицы, прислонившись к высокому дереву, стоит мой отец.

Когда я был маленьким, из школы меня обычно забирала мама, но время от времени папа раньше освобождался с работы и устраивал мне сюрприз. Вместо того чтобы, как все прочие родители, пристраиваться в ряд на парковке, он приходил пешком. Его руки вечно были испачканы чернилами, словно у ребенка после пальчикового рисования. И папа всегда говорил: «Сегодня слишком хороший день, обязательно надо прогуляться». Даже если шел дождь.

Разумеется, мужчина по ту сторону улицы не мой отец. Это просто игра света. Какой-то бегун остановился перевести дыхание, и ему на лицо упала тень.

Я стою и чувствую, как на плечи ложится невидимый груз.

Такой тяжелый, что спуск по крутой лестнице превращается в настоящее испытание. Такой тяжелый, что мне приходится собираться с силами, прежде чем отправиться в долгий путь домой.

В десяти кварталах от школы меня начинает трясти. Да, уже осень, но она пришла как-то слишком рано. Будто я перескочил через три месяца, ведь есть же такие вещи, без которых лето — не лето.

Я бы поехал с родителями на пляж. Мы бы пошли любоваться фейерверками, купили бы бенгальские огни, набрали бы ракушек. Мне разрешили бы не ложить-

ся допоздна; я бы сидел и ел фруктовый лед, мама играла бы на гитаре, папа рисовал. А потом, укладывая меня спать, спросил бы: сколько звезд?

Если день выдавался хорошим, я отвечал, мол, девять или десять. Но если замечательным или отличным, то говорил что-то вроде: «Десять тысяч звезд».

На этот раз мы не смотрели на фейерверки, не ели фруктовый лед. А в груди поселилась тоска, как если нечаянно проспичь Рождество.

Вес, что навалился на меня после школы, возвращается, стоит лишь переступить порог пустого дома. Внутри все темное, отполированное и аккуратное. Каждый предмет мебели имеет четкое предназначение. Цветовая гамма тщательно подобрана специальным человеком. Именно о таком доме я и мечтал... пока его не получил.

Я вхожу в свою комнату. Сверкающий деревянный пол, песочно-коричневые стены, тяжелая мебель. Но я вижу лишь один предмет, который выбивается из общей картины: большой чемодан в изножье кровати. Мама с папой купили его мне на девятилетие, перед поездкой в лагерь. Мол, я уже достаточно смелый, могу отправиться куда-то сам, но я так скучал по дому, что не продержался даже первую ночь.

Бросаю рюкзак на пол и поднимаю тяжелую крышку чемодана. Сердце сжимается; я вижу все дорогие мне вещи: фотоальбомы, книги про Элиана Маринера и мамин зеленый блокнот на пружине. Сегодня я его не трону, ищу свой собственный. Вот он! Я перелистываю страницы и нахожу место, где остановился.

Несколько часов спустя я слышу, как в гараж заезжает машина, и роняю ручку. Уже пробило восемь, но бывает, дядя возвращается домой раньше. А иногда, если